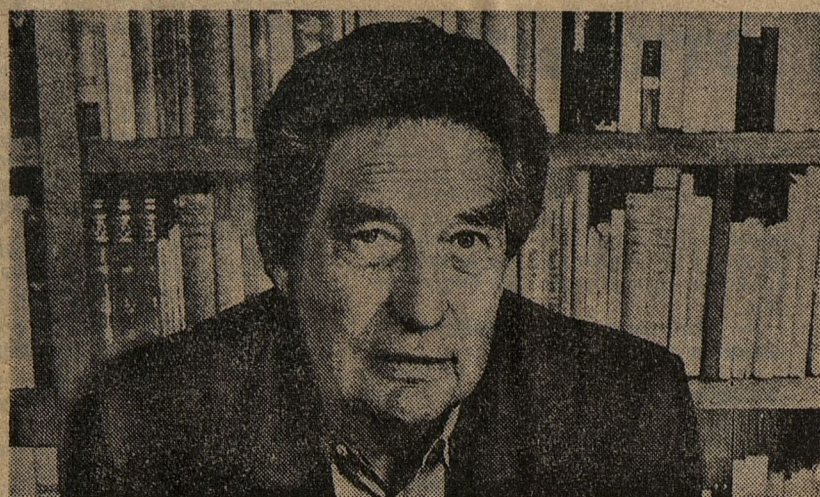

КУЛЬТУРА

— НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС —

За рубежом. — 1994. — 9-15 сент. (№ 36). — С. 14.

Размышляя о любви

Октавио ПАС

«ФИГАРО», ПАРИЖ.

Философский

портрет писателя

Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1990 год Октавио Пас только что выпустил две книги своих эссе — «Двойное пламя — любовь и эротика» и «Маркиз де Сад — выше эротики» (издательство «Галлимар»). Итак, 79-летний мексиканский поэт, чьим страстным увлечением всегда была История, на сей раз выступает в роли толкователя самого прекрасного из человеческих чувств.

Корреспондент «Фигаро» Франсуа Отэ взял у него интервью.

— **Д**ЛЯ ТОГО чтобы писать о любви, не нужно ли вначале составить план и сделать мудрым?

— Можно любить и быть мудрым! Любовь — всеохватывающее чувство, необъяснимая тяга к другому существу. Но поскольку с развитием цивилизации понятие любви меняется, то это чувство, так же как и эротика, можно считать творением духа. Любовь — очень широкое понятие: существует любовь к Родине, любовь к детям. Но для меня любовь — это прежде всего любовь между двумя человеческими существами, между мужчиной и женщиной, или же гомосексуальная любовь. В любви матери к своему ребенку, например, отсутствует сексуальность.

— Каковы главные характерные черты любви?

— Ее неповторимость. Без этого нет любви, а она может длиться один день или вечность. С другой стороны, неповторимость предполагает свободу и взаимность. Взаимность стала основополагающей характеристикой любви в те времена, когда царила куртуазная любовь, построенная по модели отношений между сеньором и вассалом.

Другая характерная особенность — превращение эротического объекта в субъект. И третья — отказ от попыток выносить оценку, то есть умение любить человека таким, какой он есть. «Я люблю тебя просто потому, что это — ты». Именно эта особенность отличает любовь от дружбы, ибо дружба предполагает высокую оценку качеств другого человека и духовную близость. Но когда любят, об этом не думают. Любят человека, потерявшего себя. Иногда любят того, кто причиняет самое настоящее страдание. В сущности, любовь — явление столь же обычное, как смерть или старость, но иногда может оборачиваться истинной трагедией. Любовь — это своего рода пари, которое мы заключаем со временем, где ставкой является свобода.

И, наконец, последняя, четвертая характерная особенность любви — решимость влюбленных преодолевать запреты. Ведь они существуют до сих пор, хотя и изменили свою форму.

— А восхищение вы сюда не относите?

— Оно не играет решающей роли. Любовь — это явление повсеместное и существовавшее во все времена. Об этом я пишу в одной из глав моей книги, которая называется «Грусть души». Понятие любви впервые было сформулировано в европейской, точнее — в провансальской поэзии XII века, хотя о несчастной любви часто рассказывалось еще в античной литературе.

— Меня поразило одно место в вашей книге, где вы пишете, что любовь связана с молодостью...

— Да, любовь некоторым образом связана с молодостью, хотя не обязательно. Людей может также объединять сильнейшее чувство взаимной привязанности, о котором писал еще Петрарка. Оно гораздо сильнее просто симпатии, но лишено физического аспекта любви.

— Вы верите в свободный выбор?

— Верю, потому что в самом понятии свободы заключен парадокс: влюбленные ощущают физическую и духовную зависимость друг от друга, но испытывают это чувство абсолютно добровольно. Литература эпохи Тристана и Изольды использовала символ «очищения через любовь», описывая покорных, отдавших во власть чувств влюбленных; в эпоху Возрождения заговорили о душе, сравнивая необъяснимую притягательность любимого человека с ударом молнии: позднее Фрейд ввел понятие сублимации.

— А вы в своей жизни встречали безумно влюбленных людей?

— Они, несомненно, существуют, просто мы их не видим. В распространенных мифах нашего времени, находящихся свое отражение в песнях, кинофильмах, театральных постановках и романах, тема любви продолжает занимать ведущее место.

— Вы пишете: «Превратности любви — это превратности самой жизни»...

— В «Воспитании чувств» герой Флобера, как сам он говорит, оказался неудачником в жизни, потому что был неудачником в любви.

— Но в конце концов, чем терпимее относятся к страсти, тем менее страстной становится эпоха.

— Это верно. Суровые запреты разжигают страсть. Но я думаю, что страсть может цвести и в обществе, не знающем ограничений. Хотя таких обществ, по-моему, просто нет, и груз запретов чувствуется везде. Сегодня остаются проблемы инцеста, расовой нетерпимости и экономического неравенства. С одной стороны, мы живем в обществе, исповедующем вседозволенность, а с другой — у нас же действует масса запретов, отличающих наше время, например, от XVIII века, для которого была характерна большая эротическая свобода.

— Даже в арабском мире...

— Идея куртуазной любви, а следовательно, и само наше понимание любви не могут быть поняты без учета арабского влияния. Арабы были первыми, кто еще в средние века начал размышлять о сущности любви. Сегодня гораздо более ясное понимание этого явления мы находим в Китае и Японии.

— Является ли ревность частью любви?

— О да, конечно.

— На какие мысли она вас наводит?

— На мысли о Прусте! Ревность — неотъемлемая часть любви и в то же время одна из ее главных бед. Ее можно назвать болезнью любви. Ревность, которая остается ее центральной проблемой, связана с эротизмом женщин и мужчин; это поэти-

сверхчеловеческое посягательство на свободу другого человека.

— Считаете ли вы, что о степени цивилизованности общества можно судить по его отношению к любви?

— Конечно, ведь в великие моменты этого чувства образ женщины возмечивается. Эволюция любви связана с обретением женщиной свободы.

— Во все ли периоды истории человечества любовь заявляла о себе с одинаковой силой?

— Любовь существует в любом обществе, но в некоторые моменты ее использовала в своих целях религия. Пример тому — величайшее поэтическое произведение нашей цивилизации — «Божественная комедия». Лично я думаю, что Беатриче — персонаж, который можно толковать по-разному.

— Как вы относитесь к современному взгляду на любовь в литературных произведениях? Может быть, нашей последней «историей большой любви» остается «Ромео и Джульетта»?

— Я так не думаю. О большой любви писал Бальзак. «Пармская обитель» Стендаля — это тоже история великой любви. Может быть, «Ромео и Джульетта» действительно лучшая из них, но далеко не единственная. Любовь царит повсюду, только ее не так легко разглядеть.

— В наше время слово «страсть» опошлено. Дошло до того, что его стали употреблять в рекламных роликах...

— Вы правы, хотя главную опасность для любви я вижу в другом. Стоит лишь представить, что любовь исчезла из истории общества, как тут же обесценивается понятие человеческой личности. Еще до появления Декларации прав человека любовь, разделенная любовью, всеяла в человека чувство собственного достоинства. Ведь взаимную привязанность невозможно объяснить одной физической притягательностью. Всегда есть что-то большее: душа или духовная близость, назовите, как хотите, но всегда есть нечто более высокое, чем просто физическое влечение. Всякий раз, когда делаются попытки в чем-то ущемить человеческую личность, дело касается не только политических институтов, но и нашей души. Поэтому я считаю возможным говорить о политическом аспекте любви.

Мы теперь знаем, чем в политическом отношении опасны нацизм и коммунизм. Сейчас угрозы менее явные, например, «технизация». В одной из глав моей книги я пытаюсь определить биологическую сущность человеческой души и нашу способность мыслить как специфическую форму материи, существующую в виде нервной системы.

Все человеческие цивилизации строились путем диалога между телом и душой. Творцом всегда выступал дух, материя же была явлением производным. Но потом вдруг материя стала определять разум. Сегодня старая концепция души исчезает, следовательно, меняется и концепция человеческой личности, и концепция любви.

— И что же произойдет с любовью?

— Сегодня (а особенно в XXI веке) наибольшую опасность для любви несут наука и техника. Это означает, что под угрозой и сама целостность человеческого сообщества. Наша цивилизация создавалась вокруг идеи о правах человека, которая, в свою очередь, опиралась на такое понятие, как человеческая личность. Но если меняется сама суть понятия человеческой личности, то политическим и любовным аспектам ее существования также грозит пересмотр. Мы должны будем возрождать идею человеческой личности и создать на пороге XXI века новую этику. Изменится и концепция любви.

— Каким вам видится будущее?

— Наш век был веком ужасных катастроф, веком деспотизма и убийств. Но он же дал миру великих художников и поэтов, стал веком великих открытий в области физики и биологии. Мне кажется, что наша эпоха станет последней, когда люди столько внимания уделяют научным проблемам.

Настало время вступить в нелегкий диалог с представителями науки. Начать его должны поэты и прозаики, ведь они единственные, кто относительно хорошо разбирается в сложностях человеческих страстей (разумеется, если не позволяют книжной индустрии эксплуатировать свой талант). Диалог между поэтическим воображением и научной определит будущее нашей цивилизации.